

Е. В. Тарасова

**СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ПОНЯТИЯХ И ТЕРМИНАХ СИНЕРГЕТИКИ
CONTEMPORARY ECONOMIC DISCOURSE
IN CONCEPTS AND TERMS OF SYNERGETICS**

Аннотация

В статье предпринимается попытка интерпретации экономического дискурса (ЭД) как сложной функционально-адаптивной синергетической системы, требующей для своего изучения междисциплинарного подхода, интегрирующего когнитивные, психологические, социальные, культурологические, лингвистические и другие аспекты. Анализируются трактовки понятия «экономический дискурс» в современной философии, экономике и лингвистике.

Выбор ЭД в качестве объекта исследования в свете теории самоорганизации сложных систем мотивируется динамичностью концептуального пространства экономических отношений как наиболее открытой для инноваций формы общественного сознания. ЭД выделяется как особая подсистема дискурса, функционирующая с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов, как сверхсложная самоорганизующаяся система, регулируемая синергетическим законом функциональной зависимости элементов.

Ключевые слова: экономический дискурс, синергетическая система, самоорганизация, диссипативность, полидискурсивность.

Анотація

У статті робиться спроба інтерпретації економічного дискурсу (ЕД) як складної функціонально-адаптивної синергетичної системи, що потребує для свого вивчення міждисциплінарного підходу, що інтегрує когнітивні, психологічні, соціальні, культурологічні, лінгвістичні та інші виміри. Аналізуються тлумачення поняття «економічний дискурс» у сучасній філософії, економіці та лінгвістиці.

Вибір ЕД як об'єкта аналізу з точки зору теорії складних систем мотивований динамічністю концептуального простору економічних відношень як найбільш відкритої для інновацій форми суспільної свідомості.

ЕД виокремлюється як особлива підсистема дискурсу, що функціонує з метою розкриття суттєвості різноманітних аспектів економічної діяльності як окремих індивідів, так і соціальних угруповань, як складна система, що самоорганізується і регулюється синергетичним законом функціональної залежності елементів.

Ключові слова: економічний дискурс, синергетична система, самоорганізація, дисипативність, полідискурсивність.

Annotation

An attempt is made to interpret economic discourse (ED) as a complex functional-adaptive system which requires an interdisciplinary approach, integrating cognitive, psychological, cultural, social, linguistic and other dimensions. Different treatments of the term «economic discourse» developed in philosophy, economics, and linguistics are discussed. The choice of ED as an object of analysis from the point of view of the complex self-organizing systems theory is motivated by the dynamic nature of the conceptual space of economic relations which is most open to innovations. ED is identified as a distinct discourse sub-system whose function is to explicate the essence of various aspects of economic activities engaged in by individuals and societies, a super-complex self-organizing system, regulated by the synergetic law of functional dependence of elements.

Key words: economic discourse, synergetic system, self-organization, dissipative system, multi-discourse.

Цель настоящей статьи – выделение особой подсистемы дискурса, а именно, *экономического дискурса* (далее – ЭД) и основных принципов его синергетической интерпретации. Ее концептуально-методологическая *новизна* связана с признанием способности различных подсистем дискурса к саморазвитию как за счет притока информации/энергии извне, так и за счет использования их внутренних ресурсов. Исследование таких подсистем, в частности, системы ЭД, может способствовать более глубокому познанию наиболее важных сторон жизни социума, в том числе экономических отношений.

Как объект исследования ЭД приобретает особую *актуальность* именно сегодня в условиях углубления международного сотрудничества, когда для современного мирового сообщества, «буквально одержимого экономикой и политически, и ментально, экономическая

реальность служит инструментом осмысления специфики новых объективных и субъективных предметностей» [1, с. 146], а экономическая мотивация – главным рычагом прогресса. Вторая причина интереса к данной проблеме – отсутствие определения категориального статуса ЭД и единства в понимании данного феномена представителями различных научных направлений. «Экономический дискурс» – это многозначный термин, используемый целым рядом общественно-политических, экономических и гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает учет особенностей функционирования естественного языка, – информатики, философии, эстетики, лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, психологии, этнологии и антропологии, не говоря уже об экономике.

В философском смысле понятие «экономический дискурс» трактуется достаточно широко, пересекаясь по сути с понятием «менталитет». С философской точки зрения, ЭД представляет собой особую «априорную» форму социальной коммуникации и оказывается функционально связанным с термином «парадигма». Философы убеждены, что «в гуманитарной науке явно недостаточно изучен процесс глубинной экономизации как пространства и времени, так и человеческой субъективности, вовлеченной в производство знаковых различий (основного товара постиндустриальной цивилизации)» [6, с. 5].

Несколько иную интерпретацию получает данное понятие в рамках экономической теории. Экономисты, в частности, утверждают, что в основе всякой экономической системы необходимо лежит «свой» особый дискурс со своей особой «аксиологической переменной», являющейся необходимой гуманитарной составляющей порожденного данной системой типа «экономического человека» [1; 18 и др.].

Что касается лингвистики, то в ней в настоящее время предпринимаются многочисленные попытки выделить составляющие интегрального понятия «дискурс». Выявлены разновидности речевых произведений, характеризующиеся специфическими языковыми чертами, которые мотивированы личностью говорящего, его интенциями, мнениями, социокультурным статусом, сферой деятельности и фактором адресата. Появились работы, посвященные изучению

современного *научного* дискурса [3], *политического* дискурса [4; 13], *эмотивно-оценочного* дискурса [15], дискурса *конкретной языковой личности* [8] и ряда других, однако, несмотря на широкую популярность и энергичное развитие дискурс-анализа, ЭД оказывается парадоксально мало изученным.

Проведенный нами теоретический поиск показывает, что ЭД уже попадал так или иначе в поле зрения лингвистов, однако внимание исследователей [9; 14; 17 и др.] было сосредоточено главным образом на его лексической составляющей. В центре внимания лингвистов оказывались до сих пор особенности и структура лексикона, словообразовательные механизмы, действующие в сфере лексики популярных экономических статей, взаимодействие общеупотребительной, общенаучной и терминологической лексики, когнитивно-прагматическая роль метафоры в лексической составляющей ЭД и ряд других вопросов. Изучение системы лексических способов раскрытия экономических тем как в специальной литературе, так и СМИ – это, безусловно, важное и актуальное направление, способствующее решению многих прикладных задач, в частности, достижению адекватных переводов, однако оно не позволяет получить целостное, холистское (согласно которому целое всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей) представление о таком сложном, многогранном и «всепроникающем» явлении, как ЭД.

Человек, разумеется, живет не только экономикой, тем не менее, большинство культур отводят рынку приоритетную роль в структуре общественного уклада, где экономика пронизывает практически все виды жизнедеятельности, являясь «совокупностью всех учреждений и деятельностей для удовлетворения человеческих потребностей в товарах и услугах» [17, с. 61].

Как известно, синергетика – это междисциплинарное направление современной науки, изучающее общие закономерности явлений и процессов в сложных нелинейных открытых динамических системах – физических, биологических, экологических, социальных и других. Поскольку процессы, протекающие в этих системах безотносительно их природы, управляются одними и теми же принципами самоорганизации, т. е. «упорядочения (пространственного, временного

или пространственно-временного) в открытой системе за счёт согласованного взаимодействия множества элементов её составляющих» [16, с. 208] и интенсивного обмена информацией с окружающей средой, для их описания может быть использован общий методологический аппарат.

Наш выбор ЭД в качестве объекта *синергетического* описания, т. е. с точки зрения теории самоорганизации сложных систем [11; 16; 19 и др.] мотивирован рядом причин.

Во-первых, в любом обществе экономическая система – одна из наиболее динамичных и открытых для инноваций форм общественного сознания. Концептуальное пространство экономической деятельности и экономических отношений подвижно, изменчиво и находится в состоянии постоянного взаимодействия и неустойчивого равновесия с «окружающей средой». Экономическая система чутко реагирует на информацию, поступающую извне по разным каналам, и изменяется в результате усвоения и переработки этой информации человеком.

Во-вторых, экономика – это та область наших знаний о мире, где особенно отчетливо проявляются базовые интересы индивида, социума и этноса, где особенно заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителей языка, где имеет место активная языковая динамика. Из всех сфер человеческой деятельности именно экономика подверглась наиболее коренной перестройке в последние десятилетия.

В русле современной антропологической парадигмы, в рамках которой речь рассматривается как целенаправленная деятельность, дискурс выступает главным связующим звеном между человеческой коммуникацией и всей совокупностью так или иначе воздействующих на нее прагматических, социокультурных, психологических, экономических и прочих факторов, а потому именно понятие дискурса наиболее естественным образом отражает синергетические тенденции в науке о языке, ибо реальный прогресс последней связывают сегодня с интеграцией, точнее, синтезом, «собственно» лингвистического, когнитивного, психологического, социального, культурологического и других подходов.

Синтезируя многочисленные определения понятия «дискурс», представленные в трудах наиболее известных языковедов [2; 5; 10; 12; 13 и др.], приходим к пониманию того, что «дискурс – это языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая – социально, идеологически, культурно и исторически обусловленная реальность» [17, с. 230].

Интерпретация дискурса с точки зрения теории открытых диссипативных самоорганизующихся систем представляется задачей сложной, но весьма перспективной. Вспомним афоризм Н. Д. Арутюновой [2, с. 136–137]: «дискурс – это речь, погруженная в жизнь». Данное определение, по нашему мнению, оптимально отвечает классическому определению «вложенной» синергетической системы (embedded system в терминологии Пригожина [11] и других теоретиков синергетики) – т. е. открытой нелинейной функционально-адаптивной системы, погруженной в свою «экологию». Сказанное свидетельствует о синергетической природе дискурса как такового, который можно представить как сверхсложную «систему систем», т. е. подвижную, самоорганизующуюся макросистему, интегрирующую множество разнородных, но взаимосвязанных и взаимодействующих подсистем.

Соответственно, под ЭД будем понимать особую подсистему дискурса, функционирующую с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической реальности и экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов. ЭД есть по сути способ видения мира и упорядочения действительности представителями экономического института как формы общественного устройства.

Система ЭД является открытой динамической системой постольку, поскольку, во-первых, в ней постоянно идет процесс обмена информацией между субъектами экономической деятельности – индивидами и коллективами. Во-вторых, в современном динамическом глобализированном мире постоянно меняются сущность и содержание экономических понятий и отношений. В результате возникает нелинейность как процесса, так и результата. В-третьих, постоянно

увеличивающееся информационно-концептуальное пространство экономики постоянно выводит систему ЭД из устойчивого равновесия.

Наиболее близким к синергетическому является, на наш взгляд, осмысление понятия ЭД, представленное в работах британского лингвиста Н. Фэрклу [21]. Ученый прослеживает прямую связь между «новым всемирным социальным порядком» (the new global social order), который он называет «новым глобальным капитализмом» (the new global capitalism), и «идеологически мотивированным новым дискурсом» (a new discourse which is ideologically motivated). Последний представляет собой уникальный коммуникативный феномен – «сложную и нестабильную область, требующую детального изучения» (a complex and unstable area which needs detailed research). Его важнейшей отличительной характеристикой автор считает «гибкость, проявляемую на различных уровнях» (flexibility at various levels). Именно «гибкий дискурс» (the discourse of 'flexibility'), убежден Фэрклу, соединяет речевую коммуникацию с социокультурной реальностью, именно он «в условиях нарождающейся глобальной экономики становится ареной борьбы старого и нового, выступая самым мощным оружием в этой борьбе» [21, с. 7]. «Гибкий» ЭД в понимании Фэрклу проявляет все признаки диссипативной системы с взаимозависимыми частями, изменения в каждой из которых влекут за собой изменения в других частях и, следовательно, в системе в целом.

Таким образом, с синергетической точки зрения, ЭД рассматривается нами как открытая нелинейная самонастраивающаяся система, которой присущи такие свойства, как уровневая организация, саморегуляция, подвижность и динамичность, функциональная адаптация к условиям «среды обитания» и постоянная перестройка под воздействием этой среды. Система ЭД является неустойчивой и неравновесной, она постоянно эволюционирует, проявляя отчетливые признаки становления «порядка через хаос» [12].

Исходя из этого, критериями выделения ЭД мы считаем следующие:

- тематическая область, которую можно определить как «взаимоотношения человека со сложившейся в обществе системой сложившихся на данный момент и постоянно меняющихся экономических связей и отношений»;

- определенная система признаваемых членами данного социума экономических концептов, также постоянно обновляющаяся за счет появления новых экономических понятий/отношений и других инноваций;
- особые экономически обусловленные целеустановки коммуникантов, предписывающие выбор соответствующих языковых средств и речевых стратегий для оказания воздействия на адресата(ов);
- собственно языковые (структурно-функциональные) признаки и др.

Кроме того, важным отличительным признаком ЭД следует признать *полидискурсность*, возникающую в результате соединения в нем различных стилей, регистров и жанров. Эту полидискурсность с ее «партитурным» строением и постоянными переключениями от одного типа дискурса к другому также можно рассматривать как проявление диссипативности в результате действия синергетического принципа самоорганизации.

Синергетика учит, что чем сложнее система, т. е. чем больше число входящих в нее элементов, тем шире она открыта для взаимодействия, тем шире ее функциональный диапазон, тем легче и оперативнее реагирует она на изменяющиеся условия среды. В этом смысле ЭД – это, безусловно, сверхсложная функционально-адаптивная система, в которой, тем не менее, строго соблюдается основной синергетический закон *функциональной зависимости элементов*, свойственный любому структурно-согласованному образованию и выступающий в роли контролирующего механизма – регулятора поведения системы.

Наши наблюдения приводят к выводу о том, что практически каждый конкретный образец ЭД, продуцированный каждым конкретным субъектом речевой деятельности, оказывается включенным в беспредельно широкий экстралингвистический контекст. Поэтому в отличие от большинства других типов дискурса, например, педагогического, юридического, армейского/военного, делового, медицинского и др., каждый из которых представляет собой «специализированную клишированную разновидность общения, обусловленную социальными функциями партнеров и регламен-

тированную как по содержанию, так и по форме» [7, с. 133], для ЭД отсутствует алгоритм. А это значит, что, отличаясь весьма низкой степенью прогнозируемости и стереотипности, ЭД лишь с большой натяжкой может быть отнесен к специализированным коммуникативным подсистемам. Более того, как система систем он интегрирует целый комплекс специализированных типов дискурса – как институционального, так и неинституционального (примерами последнего могут быть критический, межпоколенческий, гендерный и некоторые другие). Отсюда логически следует, что степень «свободы» ЭД, его способность к функциональной адаптации гораздо выше, чем у других выделяемых сегодня типов дискурса, т. е. его свойства как самоорганизующейся синергетической системы выражены более ярко.

Перечисленные особенности делают понятным, почему ЭД представляет такой интерес как с точки зрения традиционно лингвистических (структурная организация, языковое наполнение т. д.), так и социальных, психологических, когнитивно-прагматических, этнокультурных и других измерений. Конкретный анализ этих измерений – задача дальнейших этапов исследования.

Список литературы

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках / В. С. Автономов. – М. : ГУ-ВШЭ, 1999. – 54 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – М. : Русские словари, 1990. – 685 с.
3. Ванхала-Аншевски М. Textoобразующий метатекст в русской и финской научной речи / М. Ванхала-Аншевский // Scando-Slavica. – 2001. – Tomus 476 2001. – С. 39–52.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Б. Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.
6. Кропотов С. Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства / Л. С. Кропотов. – Екатеринбург, 2000. – 30 с.
7. Кропотов С. Л. Лингвокультурологические характеристики виртуаль-

ного дискурса / С. Л. Кропотов, О. В. Лутовинова. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.

8. Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты / М. В. Ляпон // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. К 60-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова. – М., 1995. – С. 260–276.

9. Петушинская Е. Г. Язык популярного экономического дискурса : автореф. канд. дис. / Е. Г. Петушинская. – М., 2008. – 25 с.

10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001. – 656 с.

11. Пригожин И. Конец определенности / И. Пригожин. – Ижевск : РХД, 2001. – 216 с.

12. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2002. – 237 с.

13. Серио П. Квадратура смысла / П. Серио. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.

14. Томашевская Т. В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника / Т. В. Томашевская. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 2000. – 153 с.

15. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочная картина мира: признаки, функции, пути исследования / Т. А. Трипольская ; под ред. Т. И. Стексовой ; Новосиб. гос. пед. ун-т // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике : межвузовский сб. науч. тр. – Новосибирск : НГПУ, 1999. – С. 5–13.

16. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.

17. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и коммуникативно-функциональный аспекты исследования. – Рязань, 2002. – С. 230–232.

18. Шевяков М. Ю. Понятие «экономический дискурс» как инструмент анализа социокультурных процессов / М. Ю. Шевяков. – Волгоградский гос. ун-т, 2002. – 312 с.

19. Шереметьева А. А. Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) / А. А. Шереметьева // Электронный журнал «Вестн. Кузбасской гос. пед. академии». – 2011. – № 7 (13). С. 334. – Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/61/>

20. Щербаков А. С. Самоорганизация материи в неживой природе: Философские аспекты синергетики / А. С. Щербаков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 109 с.

21. Fairclough N. Language and power / N. Fairclough. – Longman, 2001. – 226 p.